

РЕЦЕНЗИИ

Сазонова И. К. Русский глагол и его причастные формы. Толково-грамматический словарь. М.: Русский язык, 1989. 590 с.

Выход в свет лексикографического труда, в котором впервые на основе принципа единства словаря и грамматики дается описание русских причастий в их отношении к другим глагольным формам, — значительное событие в русистике. Эта работа, базирующаяся на многолетних исследованиях автора [1—3], имеет большое значение для русской грамматики, лексикологии и лексикографии. Развивая отечественную лексикографическую традицию и сохраняя в некоторых аспектах описания преемственность по отношению к ней (ср., в частности, принципы, лежащие в основе «Словаря русского языка» С. И. Ожегова), автор разрабатывает и реализует концепцию толково-грамматического словаря, содержащую немало нового.

До сих пор причастия обычно рассматривались как особый класс глагольных форм, обладающих рядом с признаками глагола некоторыми свойствами прилагательных. Представленная в рецензируемом словаре многоаспектная характеристика причастий дает основания для постановки вопроса о том, что в них представлены — в гораздо большей степени, чем предполагали до сих пор, — свойства не только особого класса глагольных форм, но и особого класса слов — класса, связанного с глаголом, но тем не менее во многих отношениях самостоятельного. Речь может идти о полифункциональном классе слов, включающем ряд подклассов, из которых одни являются формами глагола, а другие в большей или меньшей степени от него отдаляются.

В словарь включено около 2500 глаголов современного русского литературного языка и около 7500 их причастных форм. Причастия рассматриваются в словаре в их соотношении как с личными формами глагола, так и с близкими по значению отглагольными прилагательными, причем у причастий различаются глагольные и неглагольные значения, отмечается возможность субстантивации причастия в каждом лексическом значении, описываются некоторые синтаксические свойства причастий (возможность употребления без поясняющих слов, особенности соотношения активной конструкции и

конструкции со страдательным причастием), фиксируется степень употребительности причастий в отдельных значениях по сравнению с личными формами. Уже приведенного перечня отраженных в словаре явлений достаточно, чтобы сказать, что рецензируемый словарь существенно продвигает вперед изучение семантических и синтаксических свойств причастий, способствуя осмыслению их системно-парадигматических признаков и закономерностей речевого употребления.

Источники словаря многообразны и репрезентативны: это материалы из картотеки автора, иллюстрации, почерпнутые из лексикографических трудов, а также из научных работ, посвященных причастиям, расшифровки записей устной научной и разговорной речи.

Словарная статья состоит из двух блоков — глагольного и причастного. Глагольный блок содержит толкования лексических значений глагола с иллюстративными примерами и следующую грамматическую информацию, необходимую для образования причастий: личные формы глагола, от основ которых образуются формы причастий, вид глагола, переходность/непереходность, управление, тип субъекта (в виде пометы «S не лицо»), а для переходных глаголов — также и тип объекта: управление *кого* (что) означает, что объектом действия является лицо или группа лиц; управление *кого* (что)* (со звездочкой) означает, что объектом действия является не лицо, а животное или группа животных, а управление *что* означает, что объект действия — неодушевленное существительное. Если эти сведения относятся ко всем лексическим значениям глагола, они даются до перечня значений, в противном случае — при каждом значении.

Заголовочным словом является инфинитив. Вместе с тем к словарю прилагаются алфавитный указатель причастных форм, содержащий информацию обо всех особенностях данного причастия, отмеченных в словарной статье. Таким образом, дается возможность отталкиваться и от инфинитива, и от конкретной причастной формы.

Лексические значения глагола группи-

уются в зависимости от наличия в них свойств переходности/непереходности. Такой прием описания закономерен, поскольку именно от этих свойств прежде всего зависит образование и употребление форм причастий. Специально отмечаются особенности лексических значений, обуславливающие неупотребительность той или иной формы причастия. В ряде случаев состав описываемых значений расширяется по сравнению с толковыми словарями русского языка. Так, к числу показателей самостоятельности лексического значения отнесено и отсутствие субстантивации причастных форм в данном значении (с. 7). В самом отборе глаголов, включаемых в словарь, находит выражение ориентация на причастные формы: по свидетельству автора, отбирались прежде всего те глаголы, причастные формы которых имеют какие-либо грамматические или семантические особенности (с. 4).

В причастном блоке словарной статьи фиксируется состав причастий, имеющих у глагола, и отмечаются особенности их образования: наличие чередований или особых основ (ср. *взойти* — *взошедший*, с. 37). Указываются также отклонения от регулярности в образовании причастных форм, например, отсутствие или малая употребительность страдательных причастий у переходных глаголов или наличие их у глаголов непереходных (ср. *руководимый*, с. 416). Впрочем, изредка встречаются и явные пробои. Так, для глагола *ходить* приводятся причастия *ходящий*, *ходивший* и прилагательное *ходящий*, но не отмечено образование *хожено*, ср. *Пошли вдоль забора по не очень ясной тропинке—хожено тут было мало* (Ю. Трифонов. Другая жизнь). Словарь не фиксирует наличие специфического класса слов с причастными суффиксами, употребляющихся преимущественно с отрицанием: *невиданный* (приводится *виданный* в выражении *виданное ли это дело?*, с. 38), *нежданый* (приводится *жданый* в сочетании *жданый период*, *жданное письмо*, с. 123), *незванный* (приводится *званный* в сочетаниях *званный гость*, *званный вечер*, с. 161), *непрошенный* (с. 371), *неисполнимый* (приводится *исполнимый* в сочетании *исполнимое желание*, с. 178), *непобедимый* (с. 306), *несгораемый* (с. 421), *несокрушимый* (с. 445).

Принципиально новым в рецензируемом словаре является наличие указаний на то, какие значения из числа выражаемых личными формами глагола могут выражаться и причастиями, а какие не могут. Эта информация должна стать предметом самостоятельных исследований, но уже сейчас можно сказать, что, судя по данным словаря, неспособность причастий (особенно страдательных) выражать

некоторые переносные значения — явление довольно распространенное.

При каждом полном причастии отмечается, может ли оно в каких-либо значениях употребляться без поясняющих слов. В качестве иллюстраций приведем причастие *стоящий* (с. 458). В значении «находиться где-л. — о предметах» оно требует указания на местонахождение: *Санаторий стоит на горе — стоящий на горе санаторий — невозможно *стоящий санаторий*. Если же это причастие выступает в таких значениях, как «находиться в вертикальном положении, не передвигаясь — о людях, животных» или «прекратив движение, быть, находиться на остановке, стоянке и т. п. — о транспортных средствах», то указание на местонахождение не обязательно: *стоящий человек, стоящий автобус*.

Хотя автор словаря специально оговаривает, что эта информация относится только к полным причастиям (с. 8), она, на наш взгляд, вполне может быть распространена и на краткие формы, по крайней мере в некоторых случаях. Так, по данным словаря, причастие *посланный* в значении «отправить с каким-л. поручением, направить куда-л. с какой-л. целью» нуждается в поясняющих словах (указании на цель), а в значении «отправить по почте для доставки» может употребляться и без пояснительных слов (с. 330). Это наблюдение справедливо не только для полных, но и для кратких форм причастия. В первом из указанных значений поясняющие слова обязательны: *Собственно говоря, я был в Париже дважды. ... Второй раз в двадцатых, был послан в командировку, тогда я понимал немного больше* (Ю. Трифонов. Другая жизнь). В следующем примере причастие выступает во втором из указанных значений, и поясняющих слов нет: *Он шлет второе письмо с сомнением: как же так, деньги посланы, а товару нет, получена ли вами посланная сумма* (Н. Кузьмин. Круг царя Соломона).

В целом же вопрос о том, существуют ли различия в употреблении поясняющих слов при полных и кратких формах причастий, остается открытым.

Для переходных глаголов в словаре дается информация, отражающая особенности преобразования активной конструкции, включающей существительное в творительном падеже без предлога, в причастный оборот со страдательным причастием. Разграничиваются три случая:

1) семантический и грамматический субъект действия активной конструкции не может быть употреблен в причастном обороте, например: *Илья утомил глаза непрерывным чтением — глаза, утомленные непрерывным чтением, [нужно слегка массировать], но невозможно *глаза,*

утомленные Илей непрерывным чтением, [нужно слегка массировать];

2) семантический и грамматический субъект действия активной конструкции может быть введен в причастный оборот, но должен быть в этом случае выражен несогласованным определением в родительном падеже, например: *незнакомец испугал малыша грозным кашлем — малыш, испуганный грозным кашлем незнакомца, [заплакал]*, но невозможно **малыш, испуганный незнакомцем грозным кашлем, [заплакал]*;

3) семантический и грамматический субъект действия активной конструкции может быть употреблен в причастном обороте в творительном падеже (при этом причастный оборот может сохранять оба существительных в творительном падеже), например: *малыш нарисовал домик мелом — домик, нарисованный малышом мелом, [был полог на квадрат]* (порядок перечисления типов причастных оборотов и формулировки несколько изменены при сохранении общего смысла данного фрагмента вводной статьи, см. с. 9).

Сведения такого рода, несомненно, послужат основой будущих исследований семантико-синтаксических соотношений активных и пассивных конструкций (ср. анализ отчасти сходных фактов английского языка в [4]). Вместе с тем в ряде случаев предлагаемая словарем сфера допустимости в составе причастного оборота двух существительных в творительном падеже представляется чрезмерно широкой. Судя по пометам, данным в словаре, возможны преобразования типа *Брат легко открыл квартиру новым ключом — Квартира, легко открытая братом новым ключом* (с. 283), однако приемлемость таких преобразований вряд ли можно признать безусловной. Поскольку словарь задуман как нормативный (с. 5), подобных причастных конструкций, повидимому, следовало бы избегать.

Наиболее сложная и в теоретическом, и в практическом отношении проблема — описание лексических значений причастий. Способ ее решения, использованный в словаре, представляет значительный интерес. Автор проводит различие между причастными формами глагола и омонимичными им прилагательными (с. 11), а значения причастий подразделяет на группы: помимо глагольных лексических значений, представляющих собой лексические значения глагола, реализующиеся в причастных конструкциях (с. 9), выделяются стативные значения, свойственные только причастным формам, и адъективные значения (с. 10).

В стативных лексических значениях причастия выражают «... непроецессуальный признак, значение состояния, ре-

зультата действия» (с. 10). В адъективных значениях причастие обозначает «...такие свойства или состояния лица или предмета, которые связаны прежде всего с процессом действия или его результатом» (с. 11). Различие между этими двумя разновидностями неглагольных значений причастных форм проявляется, в частности, в их синтаксических свойствах: стативные значения реализуются в причастных конструкциях, включающих поясняющие слова (условно обозначаемых в словаре буквами «а» и «б»), а для адъективных значений характерно отсутствие поясняющих слов (синтаксическая позиция «в»), ср., например: *зал, набитый местными жителями* — стативное значение, *набитый зал* — адъективное значение (с. 217), *девушка была плохо одета* — стативное значение, *он спал одетый* — адъективное значение (с. 261).

В качестве отличительной особенности адъективных значений причастий указывается то, что они обозначают «...действие или состояние как признак, свойство в их отвлечении от временной приуроченности...» (с. 10); ср.: *думающий инженер* (с. 121), *колющее оружие* (с. 188). Этим, возможно, объясняется отмечаемое в словаре употребление многих страдательных причастий в адъективных значениях только в полных формах: *выдержанный табак* (с. 72), *забытые места* (с. 127), *заинтересованные лица* (с. 137), *подчиненная роль* (с. 318). Эти наблюдения представляются очень ценными, но все же они требуют некоторых уточнений и дополнительных исследований. Так, невозможность точной временной приуроченности присуща и причастию *расположенный* в значении «испытывающий чувство симпатии, хорошо относящийся к кому-л.», приведенному во вводной статье в качестве примера стативного лексического значения причастной формы: *Олег был очень расположен к своей новой знакомой* (с. 10), и наоборот — причастия в адъективных значениях могут выражать непосредственно наблюдаемые статические ситуации, обладающие конкретной временной протяженностью: *окно освещено* (с. 274), *борода расстлана* (с. 408), *игрушка сломана* (с. 432). Впрочем, проблема классификации ситуаций с точки зрения их распределения во времени находится еще в стадии предварительной разработки (см. [5—7]). Излишне категоричными представляются в некоторых случаях указания на отсутствие кратких форм у страдательных причастий в адъективных значениях. Помета «только полн. ф.» приводится, например, для таких употреблений, как *заряженное ружье* (в значении «со вставленным зарядом»), *спутанные волосы* (в значении «беспорядочно перевитый, переплетенный, запутанный

спутавшийся», *фиксированная настройка* (в значении «закрепленный, постоянно находящийся в одном положении»). По нашим наблюдениям, в этих значениях могут использоваться и краткие формы: *Недавно паймала жарного черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что ружье его слишком долго было запержено* (А. Пушкин. Путешествие в Арзрум); *Жидкие волосы были мокри испуганы* (А. Битов. Колесо); *Социальные роли в феодальном обществе строго фиксированы и целиком поглощают человека* (А. Гуревич. Категории средневековой культуры).

Глагольные значения причастных форм не имеют иллюстраций в причастном блоке словарной статьи. Во вводной статье к словарю это мотивируется тем, что «их приведение при каждой причастной форме увеличило бы объем словаря до бесконечности» (с. 10). С этим вполне можно согласиться, однако в ряде случаев иллюстрации к глагольным значениям были бы все же желательны. Так, у глагола *биться* указано значение «иметь свойство разбиваться», *Стекло бьется*. Оно приводится и в числе возможных глагольных значений причастия *бьющийся*, и в то же время это же значение «имеющий свойство разбиваться» в конструкции *бьющаяся посуда* интерпретируется как значение адъективное (с. 23). Другой пример — действительные причастия прошедшего времени *непереходных* глаголов СВ, обозначающих переход в состояние или приобретение нового качества. В словаре они трактуются двойным образом. Значение глагола *обледенеть* описывается как «покрыться льдом»: *Дорожки в парке обледенели*. У причастия *обледеневший* фиксируется наличие этого значения в качестве глагольного, а в примере *Мы ходили по обледеневшим дорожкам парка* усматривается адъективное значение «покрытый льдом, обледенелый» (с. 247). Так же трактуются причастия *устаревший* (с. 489), *почерневший* (с. 335), *переспевший* (с. 301), несмотря на дословное совпадение толкований значений личных форм и адъективных значений, а также примеров, их иллюстрирующих. Между тем у причастий *замерзший* (с. 145), *засохший* (с. 155), указано наличие только глагольных значений. Заметим, что в «Русской грамматике» сочетание *засохший цветок* используется в качестве иллюстрации адъективного значения этого разряда причастий [8], а причастие *замерзший* может сочетаться с обстоятельством длительности, что явно свидетельствует о его способности выражать статические ситуации (при наличии адъективного значения): *В течение недель эта маленькая рыбка может быть замерзшей* — и вновь ожить, едва настанет теплый период (А. Кондратов. Следы на шольфе), ср.

невозможность *рыбка может замерзнуть в течение недель.

Учет такого рода сочетаемости может быть важен и в других случаях. Например, в словаре у причастий включен *покрыт* отмечены только глагольные значения, но совместимость в некоторых употреблении с показателями длительности указывает на наличие у них и неглагольных значений: *Всего 45 минут был включен телескоп, а подготовка к эксперименту потребовала восьми часов* (Правда. 1981. 10 мая); *Большая часть острова все еще покрыта непроходимыми лесами, где водятся тигры и слоны* (Правда. 1985. 19 августа), ср. *невозможность *всего 45 минут включили, *все еще покрыли/покрылась лесами* [9].

Не меньшую сложность представляет отграничение стативных и адъективных значений причастных форм от омонимичных прилагательных. Как правило, отнесение конструкций к тому или иному разряду вполне убедительно, однако в некоторых случаях решение, принятое автором словаря, вызывает сомнения. Например, неясно, почему в случаях типа *окна со скошенными рамами* представлено причастие в адъективном значении, а в случаях типа *скошенная лопасть у весла* — прилагательное (с. 429). Другие примеры: *человек с вытянутым художавым лицом* — адъективное значение (с. 88), *а лицо с маленьким вздернутым носком* — прилагательное (с. 36), *стриженная девочка* — прилагательное (с. 460); *а бритый человек* — адъективное значение (с. 26). Слова с основами НСВ и суффиксами страдательных причастий прошедшего времени — это особая проблема. В словаре словам типа *крашеный/крашенный, ломаный/ломанный, резаный/резанный* обычно приписывается глагольное значение при наличии поясняющих слов и значение прилагательного в одиночном употреблении (с. 205, 365, 412), хотя связь со значением глагола сохраняется и в сочетаниях *крашеный забор, ломаные вещи, резанный хлеб*. По мнению ряда исследователей, такие образования и с поясняющими словами в большинстве случаев не имеют глагольных признаков [10, 11], и в то же время некоторые из них могут выражать глагольные значения даже и без явных поясняющих слов: *В самом деле, его [Пиромани] картины — те, которые попали хотя бы в сравнительно нормальные условия, которые не были сожжены по несколько раз, не были брошены у порога — вытирать ноги, не были закинута в мокрый подвал, не были скручены трубкой, не были мятны, ломаны, резаны, топтаны* — все эти картины удивляют отличной сохранностью» (Э. Кузнецов. Пиромани).

Во вводной главе отмечается, что при-

латательные в адъективных значениях «...сочетаются с тем же кругом существительных, которыми управляет глагол в личных формах... или с существительными, называющими семантический и грамматический субъект действия...» (с. 11). Этот принцип не всегда соблюдается. Как показано в словаре, для причастий, обозначающих изменение эмоционального и физического состояния лица, характерен метонимический смысловой сдвиг «имеющий свойство X» — «выражающий свойство X»: *испуганный человек — испуганный вид* (с. 179). В таких случаях слово с причастным суффиксом не может быть непосредственно соотносено с глаголом в личной форме (нельзя сказать **вид испугался*) и, как правило, интерпретируется в словаре как прилагательное: *взволнованные голоса* (с. 35), *встревоженный вид* (с. 65), *огорченный взгляд* (с. 259), *удивленная улыбка* (с. 482). Однако в аналогичных употреблении *уставшее лицо* (с. 498), *успокоенный вид* (с. 498) усматривается адъективное значение причастия, хотя класс референтов определяемого имени здесь не такой, как у личных форм глагола.

Стативные значения причастных форм выступают в конструкциях того же типа, что и глагольные значения, и «...толкуются всегда через глаголы, так как обозначают состояние лица или предмета, связанное с действием...» (с. 10). Эти условия также иногда нарушаются. Так, к стативным отнесены такие употребления, как *обязан кому(чему) чем* в значении «имеющий что-л., достигший чего-л. благодаря кому-чему-л.»: *Этот спортсмен всем обязан своему тренеру* (с. 258) или *рассчитан на кого* (что) в значении «сделанный для определенной цели, предназначенный для кого-чего-л.»: *Эта книга рассчитана на узкий круг специалистов* (с. 406), хотя и по значению, и по модели управления они не соотносятся с личными формами глаголов *обязать* и *рассчитывать*. Такие конструкции было бы целесообразно выделять в особую группу (ср. понятие «нестандартного семантического соотношения глагола и причастия» в [12]).

В словаре уделяется большое внимание соотносительности / несоотносительности СВ и НСВ в различных лексических значениях многозначных глаголов. В целом эта грамматическая характеристика фиксируется с необходимой тщательностью, однако иногда встречаются отдельные неточности. Так, 6-е значение глагола *притягивать* «располагать к себе, вызывать интерес, симпатию» (*Мой друг своей добротой неудержимо притягивает к себе людей*) включено в число тех значений, в которых имеется соотносительность с сов. *притянуть* (с. 355—356), между тем СВ в данном значении явно невозможен.

В описании глаголов *посетить* и *посещать* значение «4. кого (что); S не лицо *Иногда меня посещают фантастические мысли о вневременных цивилизациях* [вдруг появляться в чьем-л. сознании, чувствах, мыслях состоянии и т. п.]» отмечено только в НСВ (с. 330), однако данное значение возможно и при СВ: *Вчера меня посетила фантастическая мысль...*

Помета «S не лицо» — словарное нововведение, представляющее значительную ценность. Эта грамматическая и семантическая информация имеет важное значение для грамматических исследований и для практики изучения и преподавания русского языка. Данная помета в целом не вызывает сомнений. Однако в некоторых случаях, на наш взгляд, языковые факты не укладываются в жесткую схему, определяемую исключением лица из числа возможных субъектов: реальные закономерности репрезентации субъекта (семантического и грамматического) могут иметь вероятностный характер. В таких случаях, по-видимому, были бы целесообразны уточнения типа «как правило». Так, глагол *отвечать* в значении «удовлетворять, соответствовать» сопровождается пометой «S не лицо», однако S-лицо все же возможен, ср., например: *...этот... сошедший с ума Дон Кихот отвечал представлениям о «Homo Sapiens» или «De profundis»* (А. Белый. Между двух революций). Заметим, что в словаре используются пометы типа *редко, не употр.*, но они касаются только употребительности отдельных причастных форм. Представляется, что вопрос о более широком распространении принципа вероятностных помет по отношению к типу субъекта или наличию только полных форм (см. выше) следовало бы обдумать при подготовке последующих изданий словаря.

Отдельные замечания и пожелания, высказанные выше, не меняют общей высокой оценки лексикографического труда И. К. Сазоновой (они лишь отражают сложность задач, стоящих перед составителем подобного словаря). По существу данный труд практически реализует идею словаря, представляющего собой интегральное — лексикологическое и вместе с тем грамматическое — описание языка [13].

Выход в свет фундаментального труда, в котором представлен столь широкий круг языковых фактов и их характеристик, имеет исключительно важное значение. Словарь обогащает наши представления о причастиях в их связях с глаголами и прилагательными, об их семантических и синтаксических свойствах. Эта работа является и долго еще будет наиболее полным источником многообразной информации о данной подсистеме языка

и закономерностях функционирования ее элементов во взаимодействии с их окружением. Значимость рецензируемого словаря для научных исследований, для теории и практики преподавания русского языка трудно переоценить. Сами масштабы этой работы, выполненной одним человеком, концентрация огромного труда в законченном и целостном произведении, обращенном к широкому кругу читателей, — явление примечательное, заслуживающее внимания и признания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сазонова И. К. Семантический фактор в формировании вторичного лексического значения слова // ВЯ. 1971. № 6.
2. Сазонова И. К. Причастия в системе частей речи и лексико-семантическая деривация // ВЯ. 1975. № 6.
3. Сазонова И. К. Семантический фактор в формировании вторичного лексического значения (на материале страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.
4. Долинина И. Б. Синтаксически значимые категории английского глагола. Л., 1989.
5. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке //

- Семантические типы предикатов. М., 1982.
6. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. С. 139—142.
 7. Падучева Е. В. К семантической классификации временных детерминантов предложения // Язык: Система и функционирование. М., 1988.
 8. Русская грамматика. Т. I. М., 1980. С. 666.
 9. Князев Ю. П. Конструкции с русскими причастиями на -и, -т в семантической классификации предикатов // ВЯ. 1989. № 6.
 10. Лопатин В. В. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию // ВЯ. 1966. № 5. С. 39.
 11. Осерджук Л. П. О разграничении страдательных причастий прошедшего времени и омонимичных отглагольных прилагательных // РЯШ. 1977. № 2. С. 84—85.
 12. Князев Ю. П. Акциональность и статальность: Их соотношение в русских конструкциях с причастиями на -и, -т. München, 1989.
 13. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // ВЯ. 1986. № 2.

Бондарко А. В., Князев Ю. П.

Shibatani M. The languages of Japan. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 399 p.

Рецензируемая книга опубликована в серии грамматических очерков языков мира, рассчитанных не на специалистов по соответствующему языку, а на лингвистов широкого профиля, прежде всего типологов. Ее автор Сибатани Масаёси, профессор университета Кобе, является одним из наиболее известных и активно работающих японских лингвистов. Известность этого ученого за пределами Японии основана главным образом на его ранних генеративистских трудах, появившихся в годы работы в США. Однако после возвращения в Японию в 1979 г. М. Сибатани во многом пересмотрел свои взгляды. Как он указывал в интервью, опубликованном в 1983 г. [1], он отошел от модели Н. Хомского и обратился к описательной лингвистике и типологии, учитывая в своих исследованиях наследие японской лингвистической традиции. Реализацией нового подхода М. Сибатани и является данная грамматика.

В настоящей книге опубликованы грамматики двух языков Японии: айнского и японского. Два описания весьма неравны по объему: айнская грамматика занимает менее четверти книги (с. 3—86), основное место (с. 89—392) автор уделяет японскому языку, что, конечно, связано с его лучшей изученностью. Как указано в предисловии, М. Сибатани не ставит перед собой цели систематического сопоставления двух языков, хотя в ряде случаев их сходства и различия отмечаются. Автор исходил прежде всего из двух задач: познакомиться с материалом айнского и японского языков лингвистов, не знакомых с этими языками, и дать новую трактовку, часто типологического характера, ряду явлений этих языков. В отношении айнского языка преобладает описательный подход, в отношении японского — объяснительный.

Айнская грамматика М. Сибатани в основном представляет собой изложение ре-